

18. Громько А.А. Памятнос. М., 1990. Т.1. С. 277.
19. Добрынин А.Ф. Там же. С. 159.
20. Там же.
21. Он должен был уничтожить Израиль...// Родина. 1996. №7-8. С. 124.
22. Черчилль Р.С. и У. Указ. соч.
23. Пырлин Ф.Д. Указ. соч. С. 168.
24. Иераэлян В. На фронтах холодной войны: Записки советского посла. М., 2003. С. 226.
25. Яковлев А.П. Сумерки. М., 2005. С. 256-257.
26. Корниченко Г.М. Указ. соч. С. 204.
27. Виноградов В. Дипломатия: люди и события. Из записок посла. М., 1998. С. 246.
28. Кириченко В. Указ. соч.
29. Виноградов В. Указ. соч. С. 246.
30. Там же.

Sergey V. Abramov

SHUTTLE DIPLOMACY OF SOVIET PREMIER A.N. KOSYGIN

Abstract: This paper is devoted to the diplomatic activity Chairman of the Council of Ministers of USSR Kosygin during the Arab-Israeli wars. Autor concluded that due to the activities of Kosygin succeeded in building a sustainable system of shuttle diplomacy to resolve the conflict in the Middle East.

Keywords: A.N. Kosygin, Arab-Israeli wars, shuttle diplomacy, L. Johnson, A. Sadat.

И.В. Грибан, Д. Юнханнс

Грибан Ирина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ.

Юнханнс Дирк, референт академии повышения квалификации (г. Бад Вильдбад).

«КОНТРОВЕРЗА ГОЛДХАГЕНА» В ПРОЦЕССЕ «ПРЕ- ОДОЛЕНИЯ ПРОШЛОГО»: К ИСТОРИИ ДЕБАТОВ О ВИНЕ НЕМЦЕВ

Аннотация: В статье авторы анализируют проблемы соотношения памяти, прошлого и настоящего на материале дискуссии «о вине

немцев», которая возникла в Германии в связи с появлением в 1996 г. книги американского социолога Д.И. Голдхагена. Дискуссия вокруг «контroversы Голдхагена» прошла несколько этапов, затронув не только профессиональное сообщество историков, но и широкие слои населения в ФРГ. Авторы приходят к выводу, что обсуждение «контroversы Голдхагена» стало очередным этапом длительного процесса «преодоления прошлого», который переживает немецкое общество и, в то же время, свидетельствует, что этот процесс еще далек от завершения.

Ключевые слова: Д.И. Голдхаген, «контroversа Голдхагена», историческая память, Холокост, нацизм, историографические дискуссии.

Проблема соотношения памяти, прошлого и настоящего не раз в XX веке побуждала историков «скреплять копыя». Особенно часто это происходило в Германии – стране, в которой появился уникальный по своей сути и значению для историографии термин «Vergangenheitsbewältigung» («преодоление прошлого»).

На протяжении 1980-2000-х гг. в Германии регулярно возникали историко-политические дискуссии, которые выходили за рамки общения профессионалов-историков и широко обсуждались общественностью. Речь чаще всего шла о Гитлере или о его приближенных, либо вообще о том, что связано с нацизмом. Так, в 1979 – 1980 гг. разгорелись дискуссии о сериале «Холокост», после просмотра которого тысячи немцев столкнулись с вопросом: «Как это чудовищное, немыслимое зверство могло произойти?» (1). В 1983 г. западногерманский еженедельник «Stern» опубликовал скандально известный «Дневник Гитлера» (2), который вызвал неоднозначную реакцию в обществе. В 1983 г. на выборах в бундстаг потерпела поражение социал-демократическая партия Германии, к власти вернулись христианские демократы, провозгласившие «смену век» и «морально-политический поворот» в развитии Федеративной Республики. Канцлер Гельмут Коль заявил о необходимости «возвращения к германской истории», понимаемой исключительно в «позитивном смысле», чтобы «снять с Германии вину», связанную с нацистской диктатурой (3). В этой обстановке особое значение приобрела парламентская речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера, провозгласившего 8 мая 1945 г. не «днем катастрофы», а «днем освобождения» (4). Речь Вайцзеккера «совпала с веянием времени и настроениями критически настроенной общественности», соединив в себе «интегративные и критические компоненты» (5). Выступление Вайцзеккера было своеобразным прологом к дискуссии, которая разгорелась в 1986 – 1987 гг. и получила название «спор историков» (6). Ключевыми в этой дискуссии стали вопросы о

происхождении нацизма и вине немцев за преступления нацистского режима. В 1988 г. начались дебаты о «стене памяти» в Берлине, которые длились 11 лет. В 1993 г. интерес общественности к истории привлек фильм «Список Шиндлера». Однако наиболее масштабной и продолжительной была дискуссия, вызванная книгой американского социолога и политолога Даниэла Йоны Голдхагена «Верные пособники Гитлера: обычные немцы и Холокост» (7). Появление этого труда в 1996 г. побудило немецкое общество в очередной раз вернуться к непростым вопросам из прошлого.

Ученый вновь поднимал вопрос о том, как произошел Холокост и почему он стал возможным именно в Германии. Почему Гитлер на пути к своей цели – истреблению евреев – нашел так много сторонников и так мало противников? Как могли немцы совершать и допускать такое беспримерное преступление? Так звучали вопросы, прежние ответы на которые Голдхаген считал неубедительными. Голдхаген подчеркивал, что антисемитизм имел место и в других странах, однако только в Германии в 1930-е гг. были выполнены три условия: у власти находились самые радикальные антисемиты в истории, большинство населения не любило евреев, государство имело в распоряжении необходимые ресурсы, вследствие чего стало возможным развязывание войны и массовое уничтожение евреев. Необходимость выполнять приказы была простым прикрытием, защитной реакцией для убийц. Принуждение, приказ объясняют поведение отдельных лиц, но не всего общества. Голдхаген выдвигает тезис, что действия немцев были обусловлены не столько принуждением или подстрекательством, сколько внутренними убеждениями. Немцы не были вынуждены убивать евреев, они делали это по собственной воле, они были добровольными пособниками: «Общество, которое в период с 1933 по 1945 гг. сердцем и душой придерживалось антисемитизма, само было антисемитским» (8). В центре внимания Голдхагена – не жертвы, а убийцы, не «кабинетные преступники» (должностные лица, отдающие распоряжения о совершении преступления), а те, кто входил в состав айзатцгрупп и полицейского батальона, был сотрудником охраны в лагерях, кто, как и солдаты вермахта, принимал прямое участие в акциях уничтожения.

Особое внимание Голдхаген уделяет описанию деятельности немецкого полицейского батальона, который функционировал на территории польского генерал-губернаторства: выискивал живущих там евреев, пытал, расстреливал или отправлял в лагеря смерти (9). На основе анализа материалов послевоенных судебных процессов против членов этого батальона Голдхаген выявил, что эти люди не вынужденно, стыдливо и под нажимом совершали свои деяния, а, напротив, делали это добровольно и исключительно рьяно, с гордостью и убеждением, что

они поступают верно. Они мучали и убивали своих жертв без особого сочувствия и угрызения совести. Это происходило, потому что немцы видели в своих жертвах не людей, а зло, которое должно было быть устранено подобно злокачественной опухоли. И ведь речь шла не о закоренелых нацистах. Батальон состоял из добровольцев – среднестатистических граждан, которые были слишком стары для призыва на фронт и политическая социализация которых состоялась задолго до прихода Гитлера к власти. Они не были представителями ослепленной молодежи, они были совершенно обычными немцами – отсюда и заголовок книги Голдхагена. Отношение членов батальона к евреям показывало, по мнению Голдхагена, каким бесспорным и ярко выраженным был вырабатываемый столетиями элиминаторный антисемитизм в Германии, и каким маленьким оказался шаг от просто негативного отношения к евреям к зверскому их уничтожению. Без готовности сотен тысяч немцев, которые непосредственно приняли участие в геноциде или в той или иной степени его поддержали, уничтожение европейских евреев не было бы до такой степени масштабным и беспрепятственным. Обосновывая свое мнение, Голдхаген подчеркивает: «Доклады агентов полны сведений о недовольстве немцев, об осуждении ими различных постановлений режима. Однако никто не подвергал критике антисемитскую политику режима. Совершенно очевидно, что немцы оценивали акции нацистов, исходя из собственных взглядов и ценностей, и уже то, что они не выступали против антисемитских акций, весьма показательно. Более того, они проявляли рвение. Это были люди, принявшиеся охотно убивать евреев, делавшие даже больше, чем от них требовалось. Сохранившиеся в нашем архиве фотографии доказывают, что убийство евреев доставляло им радость и наслаждение» (10). Поэтому Холокост – это для Голдхагена преступление не только нацистов (или только СС), а вообще всех немцев. Голдхаген отмечает, что были и исключения: не каждый немец разделял такие взгляды, не все помогали режиму, многие так или иначе ему противостояли. Некоторые фактически помогали евреям: «Я не берусь делать какие-то обобщения, касающиеся немецкого народа в целом, можно говорить о немцах индивидуально, о немцах, воспитанных в духе специфической культуры» (11). Анализируя историю полицейского батальона, Голдхаген утверждает: эти обычные немцы убивали потому, что хотели убивать, это соответствовало их системе ценностей. Главный тезис и вывод Голдхагена: немецкий врожденный антисемитизм был главной причиной Холокоста.

Тезисы Голдхагена вызвали бурную реакцию не только профессиональных историков, но и всего немецкого общества. Эта дискуссия была предельно политизирована. Ее особенностью стало то, что споры велись в основном на страницах средств массовой информации, кото-

рые обладают более сильным воздействием на людей, чем отдельные исторические труды, издающиеся небольшим тиражом.

Обсуждение велось на страницах периодических изданий федерального и регионального уровня, еженедельных и ежемесячных газет и журналов как в старых, так и в новых федеральных землях. Издания, в которых регулярно появлялись публикации, посвященные Голдхагену, можно разделить на несколько групп:

- 1) *Ежедневные газеты* («Aachener Nachrichten», «Berliner Zeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Frankfurter Rundschau», «Junge Welt», «Sächsische Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Tageszeitung», «Welt»).
- 2) *Еженедельные газеты*: «Das Sonntagsblatt», «Das Parlament», «Der Schlesier», «Deutsche National-Zeitung», «Die Woche», «Focus», «Freitag», «Jungle World», «Der Spiegel», «Wochenpost», «Die Zeit».
- 3) *Ежемесячные журналы*: «Blätter für deutsche und internationale Politik», «Deutsche Archiv», «Die Brücke», «Kommune», «Konkret», «Links», «Morgengrauen», «Mut», «Spex», «Staatsbriefe».

Дискуссия вокруг контрверзы Голдхагена, начавшаяся в конце марта 1996 г., развивалась с различной интенсивностью на разных этапах. Интересен тот факт, что в Германии дискуссия была спровоцирована еще до публикации переведенного на немецкий язык издания книги Голдхагена – статьей Ф. Ульриха «Верные соучастники Гитлера. Книга провоцирует новый спор историков» (12). Автор дал короткую и критичную характеристику книге и сделал вывод: «Несмотря на всю неоднозначность, речь идет об очень важной, достойной публичного обсуждения, книге. Радикальность, с которой Голдхаген раскрывает свои тезисы, вынуждает к пересмотру существовавших ранее убеждений... То, каким образом будет встречена эта тревожащая, будоражащая книга, покажет уровень исторического сознания в нашей республике» (13).

После сдержанной критики в конце марта 1996 г. последовал бурный медиарезонанс, вызванный первой официальной публикацией отрывков книги Голдхагена в «Die Zeit» (14). Буквально за одну неделю были сформулированы основные контраргументы против версии Голдхагена. Как сомнительные и провокационные оценили поначалу не сами тезисы Голдхагена, а его отношение к предшествующим исследованиям проблем Холокоста, а также стиль изложения (15). Так, главным упреком известного историка Х. Моммзена в адрес американского социолога было то, что «книга Голдхагена игнорирует результаты предыдущих исследований и не открывает принципиально новых данных», возвра-

шая исследователей на уровень 1950-х гг. (16) Другой влиятельный историк Э. Эжел назвал труд Голдхагена «просто очень плохой книгой» (17). Критики Голдхагена подчеркивали, что антисемитские настроения в 19 и начале 20 века были сильны не только в Германии. Они указывали на «Дело Дрейфуса» во Франции и на еврейские погромы в царской России. Кроме того, критике подвергся тот факт, что внимание автора сосредоточено на истреблении евреев, в то время как политика на оккупированных территориях, направленная на уничтожение славянских народов, игнорируется (18).

Возмущение вызвал и главный тезис об элиминаторности немецкого антисемитизма. Либеральные и правые круги общественности и науки восприняли книгу Голдхагена как попытку возродить теорию о коллективной вине немцев за преступления нацизма. В одной из статей, опубликованной в «Der Spiegel», прозвучала такая мысль: «Люди должны покаяться: нацистская теория коллективной вины евреев после поражения в 1945 г. временно обернулась против немцев. Американский историк Д. Голдхаген вновь возродил ее» (19).

Дебаты продолжались сравнительно активно до начала лета. Постепенно споры сосредоточились вокруг самой идеи о «вине немцев», а не вокруг конкретных положений теории Голдхагена.

Вторая фаза дискуссий началась после публикации книги Голдхагена на немецком языке (6 августа 1996 г.) (20). В сентябре 1996 г. Голдхаген совершил турне по Германии и предстал в разных городах перед напором своих критиков. Во время этого турне («Die Zeit» назвала его триумфальным) (21) тысячи людей приняли участие в публичных дискуссиях. Интересно мнение так называемых «обычных немцев» о книге Голдхагена: «Изначально я был против теории Голдхагена. Однако в общем и целом я могу согласиться с тем, что Холокост мог произойти только при поддержке населения... Но только после прихода Гитлера к власти. Нельзя забывать и о том, что в то время было практически невозможно проявление воли отдельно взятого человека – действовали законы коллективного разума... Нам, живущим в XXI веке, все это трудно даже представить. Но те, кто утверждает, что мог бы жить в то время и не поддаться всеобщему безумству, по-видимому, ничему не научился у истории» (22).

На встречах с читателями Голдхаген всегда задавал три вопроса: Что исполнители знали о своих жертвах? Верили ли они в то, что делают правое дело? И если верили, то каким образом убедились в своей правоте? (23). По поводу критических выпадов в свой адрес Голдхаген отмечал: «Я верю, что в Германии достаточно много людей, желающих честно проанализировать проблему. Что же касается тех, кто хотел бы "замести ее под ковер", то они, разумеется, не станут всерьез

участвовать в дискуссии. К сожалению, многие немцы посылают в газеты темпераментные письма, не содержащие убедительных аргументов» (24).

Преимущественно молодые представители левой и леволиберальной общественности горячо поддержали американского политолога. И это был очевидный парадокс, поскольку критиками Голдхагена в научных кругах были представители леволиберального лагеря историков, многие из которых долгие годы посвятили интенсивным исследованиям нацистского режима и Холокоста (в первую очередь, Ханс Моммзен и Эберхардт Экель, которые одними из первых выразили критические мнения) (25). Таким образом, этой отправной точкой, которая была задана периодическими изданиями – «Die Zeit», «Der Spiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Welt», – курс обсуждения контroversы Голдхагена был уже определен.

Осенью 1996 г. под редакцией директора центра европейско-еврейских исследований Потсдамского университета Ю. Шопса вышел сборник статей англо-американских и немецких авторов, посвященных труду Голдхагена (26). Автор отмечал, что «это уникальный случай, когда книга зарубежного автора привлекла к себе такое внимание историков и общественности. Голдхаген своей книгой вызвал дебаты, которые оказались глубже и значимее, чем та проблема, которую он раскрывает в исследовании – дебаты оказались важнее, чем сам предмет обсуждения» (27). Дополнительную политическую остроту дискуссиям придал агрессивный протест политического деятеля П. Гаувайлсера в газете «Bayernkurier» – официальном партийном печатном органе Христианско-социального союза. Враждебное выступление Гаувайлсера призывало открыть глаза на левых и их обращение с историей. Дебаты продолжались и после этого выпада. Тем временем, настроения в обществе изменились. Общественный подъем достиг своего апогея после вручения Д. Голдхагену демократической премии журнала «Blätter für deutsche und internationale Politik» за заслуги перед немецкой демократией. Естественно, это событие сопровождалось рядом публикаций (28).

Уже в марте 1997 г., вскоре после вручения Голдхагену демократической премии, в Кембриджском историческом журнале была опубликована острая критическая статья эксперта канадского министерства юстиции по военным преступлениям и преступлениям против человечности Р.Б. Бирн (29). Медиатемой это сообщение стало месяцем позже, когда Голдхаген обратился к адвокатам с просьбой принять меры против автора статьи.

Новый этап споров вокруг контroversы Голдхагена начался в августе 1997 г., когда «Spiegel» опубликовал интервью ответственного редактора Р. Аугштайна с Голдхагеном. Интересно, что в начале дис-

куссии Аугштайн выступил с резкой критикой Голдхагена, а затем изменил свое мнение (30). «Подогрела» дискуссию публикация обстоятельной статьи американского политолога Н. Финкельштейна, который поддержал Р.Б. Бирн, выразив сомнения по поводу научности работы американского социолога (31).

Параллельно с «медийными битвами» осенью 1997 г. были опубликованы 2 новые книги по этой теме: «Письма Голдхагену» (32) и – особенно значимая для дебатов – «Голдхаген и немецкие левые» (33). По мнению авторов, заразная политика отрицания вины подспудно определяет повседневную политическую ситуацию: «Отказ немецких левых воспринимать теорию Голдхагена реалистично (и самокритично) наталкивает на вывод о том, что процесс вытеснения из памяти «неудобных вопросов», характерный для послевоенного немецкого общественного сознания, проникает в настоящее и будет передаваться новому поколению» (34).

К концу 1997 г. наступило время осмысления самой дискуссии и причин, ее породивших, а также перспектив развития исследований проблем, затронутых Голдхагеном, что нашло отражение в ряде аналитических статей в специализированных исторических журналах (35).

Летом 1998 г. был издан сборник статей, в котором проводился анализ реакции общественности на книгу Голдхагена в Европе и США и подводились итоги дискуссии (36). Вопросов возникало немало: Что позволило Голдхагену, написавшему «очень плохую книгу», спровоцировать столь бурную реакцию с одной стороны, в среде историков, а с другой – в обществе? Чем отличалась эта реакция? Какие выводы об историческом сознании в современной Германии можно сделать на основе анализа этой дискуссии?

Прежде всего, надо отметить, что с одной стороны, труд Голдхагена стал методически и содержательно свособразным фоном, контрастом для рецензий на другие исследования о нацизме. С другой стороны, работа Голдхагена послужила стимулом для появления новых исследований, посвященных теме нацизма или уничтожения евреев. Тема, затронутая Голдхагеном, самым тесным образом связана с проблемами политики памяти, коллективной вины и преодоления прошлого, поэтому контроверзу Голдхагена и дискуссии вокруг нее можно считать этапом культурно-исторического развития.

Чем объясняется популярность и одобрение Голдхагена в общественных кругах, особенно во время его турне по Германии? Интересно, что большинство историков ФРГ восприняли книгу с резкой критикой, в то время как оценки неправительственных организаций историков, журналистов и обычных читателей были в основном позитивными, а зачастую – восхваляющими (37). Получилось, что общественный дис-

курс и академические круги историков оказались по разные стороны. Объяснение этому феномену дает У. Герберт: во-первых, мог сработать механизм: «Враг моего врага мой друг». Во-вторых, могло сработать мнение: «Если вы не на моей стороне в дебатах об «обычных немцах», значит вы – один из них» (38).

Другим фактором, который мог объяснить положительную реакцию в различных слоях немецкого общества, является сама манера изложения материала в книге. Голдхаген описал убийства так широко и так подробно, что создал ауру «радикального преступления». Традиционные исследователи Холокоста рассматривали его истоки и последствия, избегая такой детализации, будь то из благочестия, либо из-за опасения быть обвиненными в сенсационности. Подход Голдхагена в итоге дает возможность идентификации с жертвами. Младшее поколение немцев, соглашаясь с мнением Голдхагена, оказывается на стороне обвинителей, а не обвиняемых. Книга Голдхагена оказалась одновременно в двух дискурсивных полях. Историки рассматривали ее как научную работу и критиковали с научной точки зрения. Леволлиберальная общественность рассматривала труд Голдхагена как еще одну главу в истории «примирения с прошлым». Безусловно, позитивным эффектом книги было то, что она позволила ускорить развитие в обеих этих сферах. Труд Голдхагена вызвал целый ряд новых вопросов и исследований и открыл новые аспекты в изучении Холокоста – прежде всего, ментальную детерминированность произошедших в XX веке событий.

Один из историков, подводя итоги дискуссии, отместил: «Есть такие дебаты, которые заставляют ученых срывать с себя маски. К таким дебатам относится дискуссия о книге Голдхагена» (39). Дебаты о контроверзе Голдхагена не могут быть рассмотрены сами по себе, в вакууме, они являются частью многолетней общественной и научной дискуссии о сущности нацистской диктатуры. И это не могло не повлиять на формы и результаты дискуссии о «добровольных пособниках Гитлера». Резонанс, который вызвала книга Голдхагена в медиаполитическом дискурсе, является больше, чем выборочным историографическим сюжетом. Почти два года после публикации книги продолжались исторические и общественные дебаты. Продолжительное обсуждение «контроверзы Голдхагена» стало частью более старого и пространного обсуждения «политики памяти», важной вехой в процессе длительного и мучительного «преодоления прошлого» историками и обществом ФРГ. В то же время, возникновение подобных дискуссий и реакция на них общественности свидетельствуют о том, что этот процесс еще далек от завершения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Herzl Th. The Complete Diaries of Theodor Herzl. Ed. Raphael Patai. N.Y., 1960. Vol. I. P. 343.
2. Барнави Э., Фридлиндер С. Евреи и XX век: аналитический словарь. М., 2004. С. 214.
3. Дубнов С.М. Письма о старом и новом еврействе (1897 1907). СПб., 1907. С. 8, 21 22, 24.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 162.
5. Dokumente zur Geschichte des deutschen Zionismus 1882-1933 / Hrsg. und eingel. von Jehuda Reinharz. Tübingen, 1981. S. 40.
6. The Basel Programme // Great Britain. Foreign Office. Historical Section. Zionism. L., 1920. P. 31; Basle Program // Encyclopedia of Zionism and Israel. Vol. 1. Patai, Raphael (ed.). N.Y., 1971. P. 114; ООН. Истоки и история проблемы Палестины. Часть 1. 1917–1947. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/peace/palestine/book/02-4.shtml>; The Basle Declaration // Lesch Ann M., Tschirgi Dan. Origins and development of the Arab-Israeli conflict. Westport, 1998. P.137; The Basle Declaration // Bickerton Ian J., Klausner Carla L. A history of the Arab-Israeli conflict. Upper Saddle River, N.J., 2007. P.33; The Basle Program. Resolutions of the First Zionist Congress (August, 30 1897) // Gregory S. Mahler; Alden R. W. Mahler. The Arab-Israeli Conflict An Introduction and Documentary Reader. L., N.Y., 2010. P. 46. и др.
7. Базельская программа ВСО, август 1897 // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт / Под ред. О. А. Колобова. В 2-х т. Т.2. Документы. Н. Новгород, 2008. С. 4. и др.
8. Арапат Нисап. Еврейство и сионизм: лекции по истории народа Израиля и государства Израиль. Иерусалим, 1992. С. 124; Кузнецов Д. В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение: в 2-х частях. Часть 1: Арабо-израильский конфликт. Благовещенск, 2009. С. 4. и др.
9. Именно такой вариант приводится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (С.-Петербург, 1890–1907) в статье «Сионизм» и в Краткой еврейской энциклопедии (Иерусалим, 1976–2005) в статье «Базельская программа».
10. Так переводит Heimstätte, например, доктор Майкл Кэмпбелл. Университет Флориды. Campos M. Ottoman Brothers: Muslims, Christians, and Jews in Early Twentieth-Century Palestine. Stanford, 2010. P. 205.
11. Именно такой вариант приводится в The New Encyclopaedia Britannica (Лондон – Чикаго, 2003) в статье «Basel Program (Zionism)».
12. Пордау М. Речи и статьи. Екатеринбург, 1898. С. 60.
13. Пордау М. О сионизме. Ковна, 1903. С. 6.
14. «(Autoemanzipation!) Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden. Berlin, 1882. Русский перевод был выполнен историком российского еврейства, общественно-политическим деятелем Ю.И. Гессеном в 1898 г.
15. Пинскер Л.С. Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам. Одесса, 1899. С. 37.
16. Там же. С. 51.
17. Там же. С. 37.
18. Герцль Т. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С. 7, 10.
19. Там же. С. 100.
20. Эли Барнави. Мириам Елиав – Фелдон. Утопии // Барнави Э., Фридлиндер С. Евреи и XX век: аналитический словарь. М., 2004. С. 262 – 274.
21. Пинскер Л.С. Указ. соч. С.41.
22. Усилия Ховевей Цион по заселению Палестины дали весьма скромные результаты. В 1890 – 1891 гг. при поддержке барона Э. Ротшильда (сына основателя французской ветви Ротшильдов) Ховевей Цион основал в Палестине два поселения: Реховот (население в

- 1890 – 1 100 человек) и Хадера (население в 1891 г. – 300 человек). (Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919. С. 80 – 81).
23. Кошкарлов А. Потерянное столетие // Всемирная история модернизации. Эксперт. Специальный выпуск. 2010. 28 декабря – 10 января. С. 106; Демографический энциклопедический словарь. М., 1985
24. Герцль Т. Еврейское государство. С. 40.
25. Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919. С. 7, 318.
26. Герцль Т. Еврейское государство. С. 41.
27. Herzl Th. Op. cit. P. 335.
28. Аггас Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М., 2002. С. 207.
29. Герцль Теодор. Сионистские статьи. СПб, 1914. С. 58.
30. Герцль Теодор. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С.41.
31. Там же.
32. Цит. по: Sykes Christopher. Crossroads to Israel. L., 1965. P. 24.
33. Брандейс Луи де. Сионизм // Война и еврейская проблема. Москва, 1917. С. 40 – 41.
34. Сакер Говард М. История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Иерусалим, 1994. Т.1. С. 99 – 116.
35. Kagan Gennadi E. Der Prophet im Frack: Theodor Herzls russische Mission 1903. Kohn, 2003. S.138.
36. Цит. по: Эли Барнави, Мириам Елиав-Фелдон. Указ. соч. С. 271

Irina V. Griban, Dirk Junghanns

"GOLDHAGEN'S CONTROVERSY" DURING "OVERCOMING THE PAST": THE HISTORY OF DEBATES ABOUT WINE GERMANS

Abstract: The authors analyze the problem of the relation of memory, the past and present in modern society. The authors focus on the debate in Germany with the publication of the Goldhagen's book. The authors conclude that the discussion of Goldhagen's controversy is the latest stage of a long process of "overcoming the past", which is going through German society. However, this discussion suggests that the process of "overcoming the past" is still far from complete.

Keywords: D.Y. Goldhagen. "Goldhagen's controversy". historical memory. Holocaust, Nazism, historiographical debate.

Е.Ю. Чемякин

Чемякин Евгений Юрьевич, аспирант исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.